РОДИНА 4/90

Главный редактор
Ю. А. СОВЦОВ

Редакционная коллегия:
А. К. АВЕЛИЧЕВ
С. С. АВЕРИНЦЕВ
О. И. БОРИСОВ
В. В. БЫКОВ
П. В. ВОЛОБУЕВ
В. П. ДОЛМАТОВ (заместитель главного редактора)
Т. А. КРАВЧЕНКО (редактор отдела истории)
Б. А. МОЖАЕВ
В. А. ПАНКОВ (ответственный секретарь)
В. М. ПЕСКОВ
Н. Я. ПЕТРАКОВ
Г. Л. СМИРНОВ
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник)

Номер оформили:
В. С. Арутюнов
Г. С. Терзибашьянц
при участии
Е. К. Соковой
и С. А. Артемьева

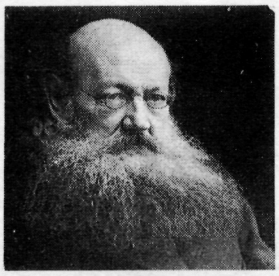
На первой обложке фото Александра Земляниченко

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Москва.
Издательство «Советская Россия»

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В этой традиционной рубрике читатели высказывают мнения, которые редакция может не разделять. Тема сегодняшнего разговора — «Нужна ли смертная казнь?»

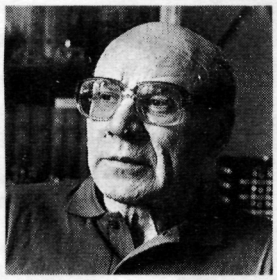


8

Петр КРОПОТКИН,
выдающийся русский ученый-географ, революционер-анархист:
«...СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ТОЧНО ТАК ЖЕ, КАК И ПЫТКИ, ЯВЛЯЕТСЯ СОВЕРШЕННО ЛИШНЕЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ, КОТОРАЯ, В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, СЛУЖИТ ТОЛЬКО РАСПРОСТРАНЕНИЮ И УСИЛЕНИЮ ЖЕСТОКОСТИ В ОБЩЕСТВЕ».

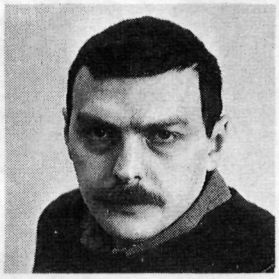
27

Алексей БЫЧКОВ,
пастор Церкви евангельских христиан-баптистов:
«...СМЕРТНАЯ КАЗНЬ, КАК НАКАЗАНИЕ НА ЗЕМЛЕ ЗА СТРАШНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ЧЕЛОВЕКОУБИЙСТВО ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ДОЛЖНА БЫТЬ КРАЙНЕЙ И РЕДКОЙ МЕРОЙ».



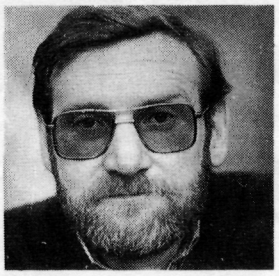
36

Игорь БЕСТУЖЕВ-ЛАДА,
доктор исторических наук:
«ОТМЕНА СМЕРТНОЙ КАЗНИ, БЕЗУСЛОВНО,— БЛАГО. НО ЕГО, КАК И ВСЯКОЕ БЛАГО, НАДО ЗАРАБОТАТЬ НЕ БОЛТОВНЕЙ, А РЕШИТЕЛЬНОЙ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ БОРЬБОЙ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ».



50

Давид ФЕЛЬДМАН, публицист:
«ОНИ ЖИВУТ СРЕДИ НАС. НАЕМНЫЕ УБИЙЦЫ, КОТОРЫМ ВСЕ РАВНО, КОГО УБИВАТЬ. ВРАЧИ, ИМ ПРИСЛУЖИВАЮЩИЕ. РАЗРАБОТЧИКИ ПРОЦЕДУРЫ УМЕРЩВЛЕНИЯ...ОНИ ВСЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛУЖАЩИЕ».



75

Леонид НИКИТИНСКИЙ,
кандидат юридических наук:
«...КРОВЬ КАЗНИМЫХ, БЫТЬ МОЖЕТ, ТОЛЬКО УДОВЛЕТВОРЯЯ НРАВСТВЕННЫЕ ИНСТИНКТЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЛЬЕТСЯ АБСОЛЮТНО ДАРОМ».

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА И СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР

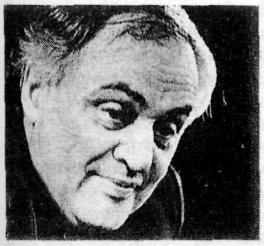
Выходит с января 1989 г.

СТАРОЕ

13
СЕГОДНЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ,
политическая, государственная, научная деятельность В. И. Ленина, так же как и сама личность создателя Коммунистической партии и Советского государства, стала вновь предметом острой полемики. А полемика эта началась еще в 20-х годах. «Родина» публикует несколько статей тех лет.

28
В ЭТОМ НОМЕРЕ
кандидат исторических наук Лев Овруцкий и доктор исторических наук Алексей Литвин ведут диалог о партии революционных коммунистов.

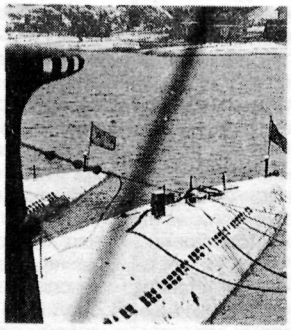
41
КАЗАЛОСЬ,
что печальной памяти архипелаг ГУЛАГ растворился, пропал, исчез, не оставив свидетелей страшной жизни на его бесчисленных островах. Но нет! Сегодня мы печатаем письма-воспоминания, которые объединены заголовком: «Обратный адрес — ГУЛАГ».



76
ПАМЯТИ СОВЕТСКОГО
историка и писателя, нашего автора Натана Эйдельмана посвящены в этом номере материалы под рубрикой «Историки об историках».

НОВОЕ

10
В ОБЗОРЕ
«Перестройка: факторы риска» доктор исторических наук Сергей Васильцов подводит некоторые итоги анкетного опроса читателей «Родины», проведенного в конце 1989 — начале 1990 года.



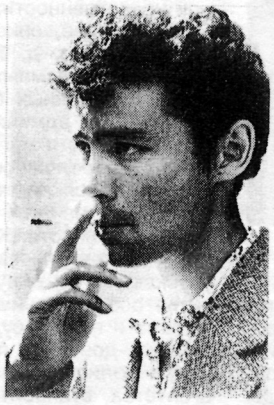
20
СКОЛЬКО БОЕВЫХ
кораблей теряет наш Военно-Морской Флот в мирное время? Почему тонут, взрываются, горят подводные лодки, крейсеры и другие боевые единицы ВМФ? Об этом рассуждает на страницах журнала капитан второго ранга Владимир Стефановский в статье «Спасайте, кто может...»

52
ПОСЕЩЕНИЕ КОРРЕСПОНДЕНТОВ
Елены Скворцовой и Александра Земляниченко Мытищенского завода художественного литья навело их на раздумья, которыми они делятся с читателями в материале «Наш бронзовый герой».

86
ИНТЕРВЬЮ У БЫВШЕГО
первого заместителя министра внутренних дел Юрия Чурбанова берет журналист Андрей Караулов.

ВЕЧНОЕ

33
ПО МЕСТАМ
Таманского полуострова, связанным с пребыванием здесь А. Пушкина и М. Лермонтова, проведет вас Евгений Сорокин в статье «Казачьим трактом в Тмутаракань».



57
В ОЧЕРКЕ
Бориса Черных «Чистая лампада» рассказывается о встречах с известным советским драматургом Александром Вампиловым.

62
В ПОСТОЯННОЙ РУБРИКЕ ЖУРНАЛА
«Сто народов России» рассказывается о самом северном народе земли — нганасанах.

65
ИМЯ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР,
народного депутата СССР Алексея Яблокова в рекомендациях вряд ли нуждается; защита окружающей среды — его боль, его жизнь, его профессия. Этому же посвящена и статья А. Яблокова «Пробуждение от экологической спячки».

СОДЕРЖАНИЕ

Россия. Май 90-го. Первый съезд. . . 1

П. КРОПОТКИН.
Наказание смертной казнью 8

Свободная трибуна 9

Люди и время: документ без комментариев 10

С. ВАСИЛЬЦОВ.
Перестройка: факты риска 10

Ленин исторический 13

Л. ПЕТРОВСКИЙ.
Перестройка, верни им имена 19

В. СТЕФАНОВСКИЙ.
Спасайте, кто может... 20

А. БЫЧКОВ.
Не убей кающегося! 27

Л. ОВРУЦКИЙ, А. ЛИТВИН.
Отколовшиеся 28

Е. СОРОКИН.
Казачьим трактом в Тмутаракань . . 33

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА.
Радетелям «гуманности» 36

М. КОЗОРЕЗОВА, М. ПУЧКОВА.
Паспортная система: за и против. . . 37

Обратный адрес — ГУЛАГ 41

Д. ФЕЛЬДМАН.
Размышление об одной профессии . 50

Е. СКВОРЦОВА.
Наш бронзовый герой 52

Б. ЧЕРНЫХ.
Чистая лампада 57

Ю. СИМЧЕНКО, С. САВОСКУЛ.
Самые северные люди земли. 62

А. ЯБЛОКОВ.
Пробуждение от экологической спячки 65

В. ЛАГРАНЖ.
Опальные книги 71

Л. НИКИТИНСКИЙ.
Смертью смерть поправ? 75

М. СЕРГЕЕВ.
История «стерео» 77

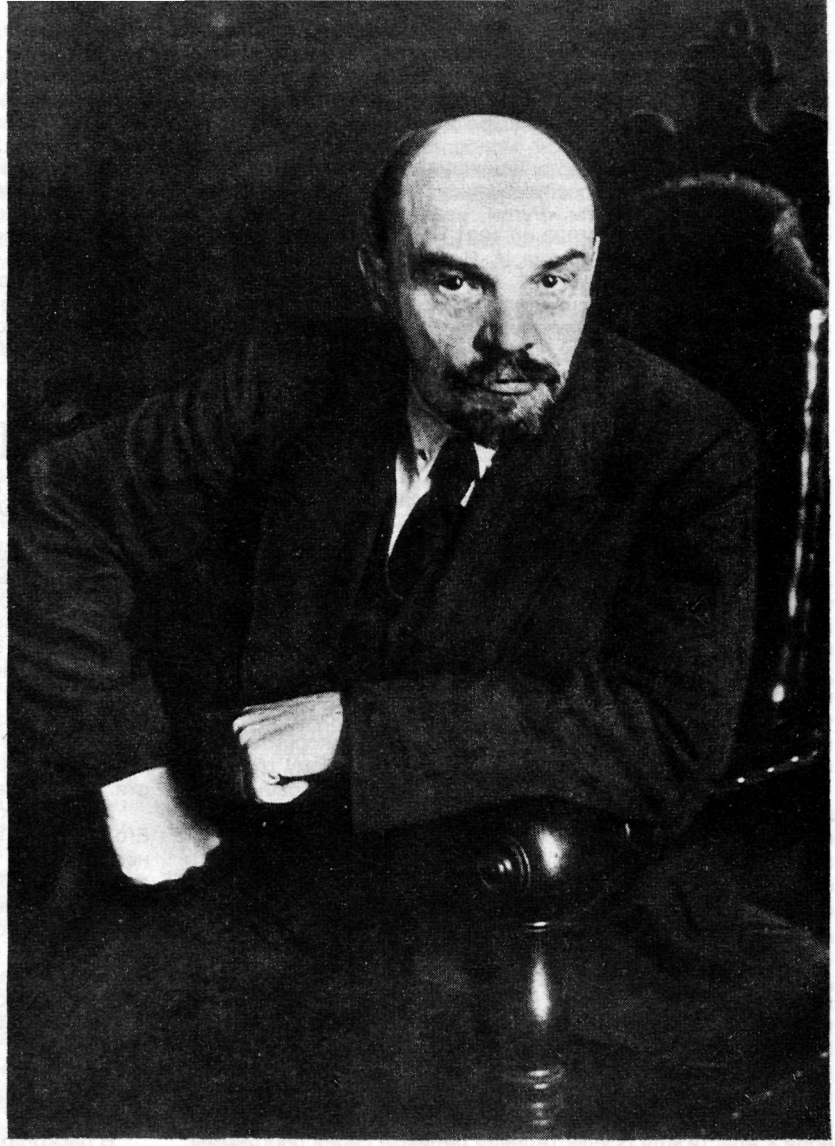
Н. ЭЙДЕЛЬМАН.
Первый декабрист 78

В. ПАНКОВ.
Колодезник. 84

А. КАРАУЛОВ.
Какое мы оставили наследство? . . . 86

Ю. ФЕОФАНОВ.
Вместо покаяния. 90

А. ТОЛСТАЯ.
Первые шаги в Америке 92



Ленин — ВЕЛИКИЙ человек, но — человек. Ленины, Марксы рождаются раз в сто лет. Но и они — дети своей эпохи, и они «обусловленны», и они «развиваются». Ленин первый отверг бы и осмеял бы «идеал» штампованного пророка, который уже во чреве матери «все предвидел» и был «во всем прав». Надо дать ИСТОРИЧЕСКОГО Ленина. И именно он — живой, и именно он прекрасен, и именно он — на столетия.

Г. Е. ЗИНОВЬЕВ

ЛЕНИН исторический

Личность великого человека всегда вызывает повышенный интерес. Не стал исключением и В. И. Ленин. В последнее время появляется особенно много работ, посвященных ему. Часто они воспринимаются как откровения, новое слово в исследовании личности Ленина и его роли в революционном движении. Но попытки резко критического анализа предпринимаются не впервые. Были они и при жизни Владимира Ильича, и особенно после его смерти.

Смерть Ленина явилась рубежным событием для его идейных и политических противников, она обнажила их точку зрения на его личность. Казалось бы, представилась возможность напасть на человека уже беззащитного, неспособного ответить на самые резкие выпады, возможность свести счеты, растоптать его. Но как раз этого и не попытались сделать серьезные противники Ленина. У них было больше оснований ненавидеть его как личного врага, нежели у некоторых современных исследователей. Тем не менее не произошло срыва в безудержную брань — была сделана попытка проанализировать его путь.

Думается, и сегодня суть вопроса не в том, чтобы нападать на выдающегося деятеля прошлого или защищать его. Необходимо именно проанализировать и победы его, и поражения, прислушиваясь ко всем точкам зрения, используя как можно больше документов, принадлежащих перу как соратников Ленина, так и его противников. Долгое время документы русского зарубежья были спрятаны в отделы специального хранения архивов и библиотек. Сейчас эти тексты возвращаются из небытия, становятся известны не только узкому кругу ученых, но и широкой общественности. В этом ряду — публикуемые здесь три отклика на смерть Ленина. У их авторов-эмигрантов были основания считать вождя революции виновником своих бед, вышвырнувшим их из России. И тексты действительно носят личностный, субъективный характер: в них весь спектр человеческих чувств — от восхищения до резких выпадов, прорывов ненависти, не всегда справедливых упреков и запоздалых обвинений. Но не это главное. Сумев подняться над личными обидами и амбициями, стремясь более объективно оценить личность Ленина, эти люди и сами себя поднимают в глазах современников и потомков.

Хотелось бы, чтобы читатель увидел и второй план этих документов. Размышляя о Ленине, авторы думали и о себе, о собственной роли в российской истории, сознательно или неосознанно соизмеряли себя с великим человеком, присматривались к себе через него. Это было одной из возможностей договорить недосказанное и проверить свои аргументы в долгом и оставшемся незавершенным споре. Первый из публикуемых документов — «Ленин» — принадлежит перу Виктора Михайловича Чернова (псевдоним — Ю. Гарденин) (1873—1952), русского политического деятеля, одного из организаторов партии эсеров, члена ее ЦК. После февральской буржуазно-демократической революции 1917 года Чернов вернулся

в Россию из первой эмиграции, был министром земледелия во Временном правительстве. С 1920 года — вновь за границей. Во время второй мировой войны участвовал во французском движении Сопротивления.

Второй текст — «Смерть Ленина» — редакционная статья республиканской демократической газеты «Руль», издававшейся в Берлине с 1920 по 1931 год под редакцией И. В. Гессена, А. И. Калинки, В. Д. Набокова.

Третий документ принадлежит, по-видимому, Павлу Николаевичу Милюкову (1859—1943), русскому политическому деятелю, историку и публицисту, одному из организаторов кадетской партии. Милюков был членом Государственной думы 3-го и 4-го созывов, министром иностранных дел во Временном правительстве (до 2(15) мая 1917 года). С 1920-го — в эмиграции. Издавал в Париже газету «Последние новости» (до 1940 года). Во время второй мировой войны выступал против сотрудничества русской эмиграции с фашистами.

Последний документ — «К партии. Ко всем трудящимся» — несколько выпадает из общего контекста. Это официальное обращение экстренного Пленума ЦК РКП(б), состоявшегося в ночь с 21 на 22 января 1924 года. Но публикация его наряду с материалами русского зарубежья кажется нам необходимой. Без этого картина существовавших точек зрения на смерть Ленина была бы неполной, односторонней. И наоборот — многие оценки будут выглядеть по-иному, более выпукло, зримо в сравнении, в противопоставлении взглядов идейных противников и соратников — товарищей Ленина по партии, людей, которые были с ним рядом в моменты триумфа и величайших потрясений Революции.

САМЫЙ КРУПНЫЙ ХАРАКТЕР РЕВОЛЮЦИИ*

Ленин умер. Умер второй раз,— физически. Духовно и политически он умер уже давно,— по меньшей мере год тому назад. Мы уже привыкли давно говорить о нем в прошедшем времени. И потому нам не трудно теперь писать о нем просто и безгневно. И поскольку в исторически еще неостывших делах человеческих возможно безстрастие, мы можем, не насилуя себя, пойти навстречу его требованиям, тем более, что достоинство истинного революционера требует воздания всякому своему противнику должного, а не оскорбительных выкриков в догонку его только что снаряженному гробу.

Ленин был большой человек. Он не только был самой крупной фигурой возглавляемого им движения,— он был (и по заслугам) его «некоронованным королем». Он был и головою движения, и его волей,— я бы сказал даже «и его сердцем», если бы и вся его натура, и природа руководимой им партии не ставила безсердечности себе в революционный долг.

Ум у Ленина был энергический, но холодный. Я бы сказал даже: это был прежде всего насмешливый, язвительный, цинический ум. Для Ленина не могло быть ничего хуже сантиментальности. А сантиментальностью для него было всякое вмешивание в вопросы политики — морального, этического элемента. Все это было для него пустяком, ложью, «светским поповством». В политике есть лишь расчет. В политике есть лишь одна заповедь: добиться победы. Одна добродетель: воля к власти для осуществления целиком своей программы. Одно преступление: нерешительность, упускающая шансы успеха.

Военные говорят, что «война есть продолжение политики, только иными средствами». Ленин выворотил бы это положение наизнанку: политика есть продолжение войны, только иными средствами — средствами, маскирующими войну. В чем сущность войны для обычного «морального сознания»? В том, что война узаконяет, возводит в принцип, в апофеоз, то, что в мирное время считается преступлением. Обращение цветущей страны в пустыню — война делает естественным тактическим приемом, грабежи — реквизицией, обман — военной хитростью, готовность выкупаться в крови врага — боевым энтузиазмом, безчувственность к жертвам — самообладанием, безпощадность и безчеловечность — долгом. В войне «все позволено», в войне всего целесообразнее то, что всего недопустимее в нормальном общении человека с человеком. А так как политика есть лишь скрытая форма войны, то правила войны суть правила политики.

Ленина часто обвиняли в том, что он не хочет или не умеет быть «честным противником». Но для Ленина самое понятие «честного противника» было нелепостью, обывательским предразсудком. Им порой можно воспользоваться, немножко по иезуитски, в собственных интересах, но принимать его в серьез глупо. Защитник пролетариата не только в праве, но и обязан по отношению к врагу отбросить всякие scrupules**. Ввести его в заблуждение, сознательно обмануть, допустить по отношению к нему заведомое преувеличение, неправду, выставить его в наивозможно худшем виде, возбудить по отношению к нему, во что бы то ни стало, самые отвратительные подозрения — все это Ленин считал в порядке вещей, и не скрывал, что считает в порядке вещей. Трудно превзойти Ленина в цинической грубости, с какой он развивает все это в особой записке по вопросу о третейском суде с меньшевиками, ныне целиком напечатанной в приложении к последнему тому полного собрания его сочинений[1]. Ленин по совести разрешал себе переноситься «по ту сторону совести» в отношениях ко всем, кого считал врагами своего дела. Отбрасывая или попирая ногами при этом все нормы честности, он оставался — «честен с собой».

Ленин, как марксист, был теоретиком классовой борьбы. Его личным вариантом этой теории было признание, что необходимым апогеем классовой борьбы является гражданская война. Можно сказать, что классовая борьба была для него всего лишь недостаточно развернутой, зачаточной, эмбриональной формой гражданской войны. Всякое серьезное партийное — иногда даже фракционное — разногласие он стремился объяснить, как рефлекс, как отражение каких-то классовых противоречий. И когда он раскалывал партию, он в процессе этого раскалывания честно совершал самые возмутительные, самые отвратительные вещи. Ведь раскалываемая партия есть незаконное соединение классово-враждебных тенденций, а со всем, классово враждебным, надо поступать по правилу: на войне, как на войне.

В расколах, во фракционной борьбе, протекала вся жизнь Ленина. В ней и развилась его несравненная мускулатура гладиатора, профессионала-борца, ежедневно практикующегося, ежедневно изобретающего новые трюки и уловки, чтобы положить противника на обе лопатки. Эта практика выковала в нем изумительное хладнокровие, способность в самых опасных положениях не теряться, сохранять присутствие духа и надежду как нибудь «вывернуться». Счастливая целостность его натуры и сильный жизненный инстинкт облегчали ему здесь его внутреннее «credo, quia absurdum»*** и делали из него какого-то духовного «Ваньку-Встаньку». После всех неудач, ударов судьбы, поражений, даже стыда и позора, он умел духовно выпрямляться и «начинать сначала». Его волевой темперамент был, как стальная пружина, которая тем сильнее «отдает», чем сильнее на нее нажимают. Это был сильный и крепкий партийный и политический боец, как раз такой, какие нужны, чтобы создавать и поддерживать в своих сторонниках подъем духа, и чтобы при неудаче предупреждать зарождение среди них паники, ободряя их силою личного примера и внушением неограниченной веры в себя,— и чтобы одергивать их в моменты удачи, когда так легко и так опасно превратиться — выражаясь словами Ленина — в «зазнавшуюся партию», способную почить на лаврах и проглядеть будущие опасности.

В этой необыкновенной целостности натуры заключался и в значительной мере секрет умения Ленина импонировать своим сторонникам. Его ничем непреоборимый, действенный оптимизм, даже в такие моменты, когда все дело казалось погибшим, и все готовы были потерять голову, не раз оправдывался просто потому, что Ленина во время спасали ошибки врагов. Это бывал просто слепой дар судьбы, удача; но удача

* Заголовок изменен. В статье сохранена авторская орфография.

** Сомнения *(лат.)*.

*** Верую, потому что абсурдно *(лат.)*.

венчает лишь тех, кто умеет держаться до конца даже в явно безнадежном положении. Большинство сдается, не дожидаясь этого конца,— не хочет даром тратить силы, не хочет явно ненужных и безполезных жертв. И по своему они правы и благоразумны; только именно их благоразумие часто и не позволяет случайной удаче их выручить. Вот почему есть некое высшее благоразумие в неблагоразумии человека, готового истощить до конца последнюю каплю сопротивляемости вопреки всему: вопреки стихии, логике, судьбе, року. Такого благоразумного неблагоразумия природа отпустила Ленину необыкновенно много — быть может, черезчур много. Зато для окружающих, для друзей, для приверженцев, для массы — факт, что Ленин не раз выводил партию из самых отчаянных ситуаций, превращался в какое-то чудо, и разумеется приписывался его гениальной прозорливости, т. е. как раз тому качеству, которого у него в большом, историческом масштабе совершенно не было. Ленин был прежде всего — фехтовальщик. А фехтовальщику не нужно провидений, не нужно слишком сложных идей, может быть вообще не следует черезчур задумываться: но надо уметь сосредоточить на одном все внимание и все силы, приковать свой взгляд ко всем движениям противника, обладать чисто инстинктивной находчивостью и приспособленностью всех рефлексов, чтобы в должный момент на каждое данное действие врага найти без малейшего промедления самый удачный ответ.

Ум у Ленина был не широкий, но интенсивный; не творческий, но изворотливый и в этом смысле изобретательный. Он был большим мастером в оценке любой наличной политической ситуации, великолепно ориентировался в ней, метко схватывал в «текущем политическом моменте» все, что его отличало от предыдущего, и проявлял большое практическое политическое чутье в предвидении ближайших его политических последствий. И с этим непосредственным тактическим здравомыслием в необычайно резком на первый взгляд противоречии стояла абсолютная безпочвенность и фантастичность всех его прогнозов более широкого исторического размаха, и всех его программных идей и планов, разсчитанных не на сегодня и не на завтра, а на целую переживаемую эпоху. Составленную им для социал-демократии в начале 900-х годов аграрную программу, которую он вынашивал добрый десяток лет, постиг полнейший провал; после этого он же весьма ловко маневрировал с аграрными лозунгами, наскоро перехваченными у партии социалистов-революционеров, лозунгами, на борьбу с которыми он сам затратил столько сил и темперамента. Конкретный способ действий, который, при смене обстоятельств, изобретал он в каждый данный момент для скорейшего захвата власти, отличался необыкновенной практичностью; но грандиозная программа, намеченная на проведение в жизнь после захвата власти и разсчитанная на целый исторический период, оказалась ниже всякой критики и разлетелась вдребезги при первом соприкосновении с действительностью. Это был отличный революционный и государственный деловик, но исторический провидец это был просто никакой. Его «малый политический разум» был блестящий; его «большой политический разум» был перманентным банкротом.

Считаясь с особенностями духовного склада русского революционера, русского интеллигента, Ленин должен был заплатить большую дань делу всяческого теоретизирования, и даже философствования. Назвался груздем, полезай в кузов; назвался вождем партии, поставляй ей все потребное, вплоть до собственной патентованной философии. И когда среди русских марксистов пошел философский разброд мыслей и завелись разные эмпириокритические ереси, Ленин, не долго задумываясь, засел в библиотеку, со свойственным ему упорством преодолел труды тех, кто в Европе служил философским прототипом для русских «ересей» и «еретиков», еще тщательнее пересмотрел писания их критиков, а затем смастерил целую книгу, в которой «разделал» всех этих Шуппе[2], Лаасов[3], Махов[4], Авенариусов[5], Петцольдов[6] и им подобных так, как привык разделывать у себя в партии непослушных и бунтовщиков: как дураков и мальчишек. В первый и последний раз произвел он эту карательную экспедицию в область философии. Он сделал это не по своей охоте, а из чувства долга, подобно тому генералу, который говорил: «прикажут — акушером буду». Больше делать этого было некому, и Ленин взялся за дело. Was er selbst hat noch gestern gelernt, das mußte er heute schon lehren*,— как говорят немцы; и неудивительно, что целым рядом грубейших промахов и наивностей он головой выдал свою абсолютную чуждость этой области мысли и свою полную неприспособленность к философствованию... Но и в этой книге он тот же, что и везде,— уверенный, не подозревающий того, где и в чем он беспомощен, ломящий напролом, исполненный пренебрежения к другим и поставивший себе за правило аффишировать это пренебрежение, это презрение еще в большей мере, чем имеет его на деле.

Как человек «с истиной в кармане», он не ценил творческих исканий истины, не уважал чужих убеждений, не был проникнут пафосом свободы, свойственным всякому индивидуальному духовному творчеству. Напротив, здесь он был доступен чисто азиатской идее, сделать печать, слово, трибуну, даже мысль — монополией одной партии, возведенной в ранг управляющей касты. Здесь он походил на того древнего мусульманского деспота, который произнес приговор над сокровищами александрийской библиотеки: если там сказано то же, что в коране, то они — лишни; а если другое, то они — вредны.

Если ум его был абсолютно лишен творческой складки, если он мог быть только искусным, темпераментным и неутомимым толкователем и перетолкователем готовой доктрины, если ему была в высшей степени свойственна узость и однобокость мысли, «граничащая с ограниченностью», то в пределах этой узости, этой ограниченности он достигал большой и своеобразной силы. Эта сила сказывалась, главным образом, в необычайной, в абсолютной ясности, можно сказать прозрачности всех положений. Тут уж он шел неумолимо до политического конца (хоть ad absurdum)**, не оставлял ничего расплывчатого, ничего неопределенного (кроме тех случаев, когда это надо было ему сознательно допустить из соображений дипломатии): все конкретизировалось и упрощалось до последних пределов возможного. В связи с этим, быть может, стояла и специфическая особенность Ленина, как оратора. Он никогда не был блестящим фейерверкером слов и образов. Это не было «красноречие» в собственном смысле: говорил он вовсе не красно. Он бывал и неуклюж и грубоват, особенно в полемике; он часто повторялся, «одно и тоже твердословил». Но в этих повторениях, и в грубоватости, и в простоте была своя система и своя сила. Сквозь разжевывания и неуклюже-сильные взмахи, сквозь топорность выходок и вылазок пробивалась живая, неугомонная волевая стихия, твердо шедшая к намеченной цели. Эта стихия, раз захватив, уже не выпускала, не ослабляла своего напора; ее монотонная приподнятость гипнотизировала; несколько разных словесных варьяций одной и той же мысли пробивали себе дорогу в чужое сознание не в той, так в другой форме; как капля, долбящая камень, затверженное втеснялось в ум и навязывало себя памяти. Редко кто умел до такой степени бить в одну точку. И, наконец, Ленин умел ощущать свою аудиторию, умел возвышаться над ней не больше, чем нужно, умел даже во время вернуться к ней, даже принизиться к ней,— так, чтобы не создалось нарушающего гипноз отрыва, так, чтобы произвести в данный момент наибольшее давление на волевое состояние аудитории. И в то же время он лучше, чем кто либо, знал, что толпа — словно конь, любящий шпоры и твердую узду седока, что толпа любит поработиться; и он умел, когда надо, взять с нею тон властный, требовательный, обличающий, даже бичующий. «Это не оратор, но это, пожалуй, побольше оратора»,— сказал про Ленина кто-то, и сказал метко.

Воля Ленина была сильнее его ума. И потому ум его в своих извилинах и зигзагах был угодливо покорен его воле. Вот почему, когда торжество увенчало, наконец, усилия и труды его долголетней подпольной жизни, Ленин приступил к воплощению своей «идеи» не как социалистический мыслитель, заранее взвесивший все элементы созидательной проблемы, имеющий свой творческий синтез и свой «операционный план», с полною перспективой последовательных и друг друга дополняющих мер. Нет, и на область чисто конструктивной деятельности он без дальнейшей процедуры переносил те же руководящие принципы, которые действительны в области борьбы, т. е. деятельности деструктивной. Он любил повторять слова Наполеона: on s'engage, et puis on voit***». Надо в социальном творчестве смело начать с чего нибудь, а лучше всего сразу с нескольких пунктов, чтобы неудача в одном не остановила дела; а там уж действовать,

* Тому, чему сам научился еще вчера, он вынужден был сегодня учить других *(нем.)*.

** До абсурда *(лат.)*.

*** Сначала надо ввязаться в бой, а там видно будет *(франц.)*.

смотря по обстоятельствам, как подскажут опыт и практика. Надо не бояться ошибок, учиться на ошибках, бросать неудачное, переделывать сызнова и сызнова, действовать где прямо, где обходными путями. Ленина чаще всего воображали слепым упрямым догматиком; но он был догматиком лишь постольку, поскольку отсутствие творческого гения неизбежно приковывало его к какой нибудь из готовых теорий; раз взявшись ее защищать, он, конечно, не уступал ни пяди врагам. Но он вовсе не был догматиком по натуре, он влюблялся не в стройность и симметрию головного творчества, а лишь в успех на арене политической и революционной «игры», где надо поймать момент и сорвать ва-банк. И потому он охотно становился эмпириком, экспериментатором, игроком. Отсюда же и его оппортунизм — черта, совершенно не мирящаяся с настоящим догматизмом. Его ум был покладист, и эластичен, и изворотлив. Он послушно становился на запятки воли. Воля же Ленина, поистине, была из ряду вон выходящею психоэнергетическою величиною. Я думаю, что в лице Ленина сошел в могилу самый крупный характер из выдвинутых русскою революцией.

Ленина охотно считали честолюбцем и властолюбцем; но он был лишь естественно, органически властен, он не мог не навязывать своей воли, потому что был сам «заряжен двойным зарядом» ее, и потому, что подчинять себе других для него было столь же естественно, как центральному светилу естественно притягивать в свою орбиту и заставлять вращаться вокруг себя меньшие по размеру планеты,— и как им естественно светить не своим светом, а отраженным солнечным. Но «почестей» Ленин не любил, и пышность, парадность не радовала его глаз; плебей по привычкам и натуре, он оставался прост и натурален в своем быту после октябрьского торжества так же, как и до него. Ленина охотно представляли себе безсердечным, фанатичным «сухарем»; но его безсердечие было чисто головное, разсудочное, направленное на «дальних»: на врагов его дела, его партии. С «ближними» — же он был приветлив, добродушно весел и обходителен, как простой хороший товарищ; и недаром любовно фамильярное «Ильич» получило такое распространение среди рядовых большевиков. Да, Ленин был добродушен. Но добродушие и доброта — не одно и то же. Подмечено, что все физически очень сильные люди обычно бывают добродушны. Это добродушие есть просто побочный продукт благодушной удовлетворенности, происходящей от сознания силы. Таким же добродушием большого сен-бернара по отношению к маленьким дворнягам был полон и Ленин по отношению к своим «ближним». Что же касается настоящей внутренней доброты, то ее Ленин вероятно считал одной из ненужных и мешающих людских слабостей. По крайней мере когда он хотел возможно презрительнее третировать кого-нибудь из своих противников-социалистов, то к его имени он прибавлял эпитет «добренький»... Этим было все сказано: значит — мягкотелость, размазня, слякоть.

Он всю жизнь посвятил борьбе за рабочий класс. Любил ли он его? Очевидно, да,— хотя струнка любви к конкретному, живому рабочему у него звучала слабее струнки ненависти к конкретному, живому эксплуататору. Пролетариат он любил тою же самовластной, деспотически требовательной, жестокой любовью, какой некогда любил и спасал человечество — Торквемада[7].

Ленин, действительно, по своему любил тех, кого ценил, как слуг «дела»; он легко им прощал их ошибки, даже их измены, хотя порой задавал им хорошие головомойки, чтобы их возвратить «на путь истинный»: злопамятства, злобности в нем не было; но зато враги его дела для него были не живыми людьми, а подлежащими уничтожению абстрактными величинами; он ими не интересовался; они были для него лишь математическими точками приложения силы его ударов, мишенью для постоянного, беспощадного обстрела. За простую идейную оппозицию партии в критический для нее момент, он способен был, не моргнув глазом, обречь на разстрел десятки и сотни людей; а сам он любил беззаботно хохотать с детьми, любовно возиться с щенками и котятами. Аморалистом он был не из-за того, чтобы в его груди жили легионы страстей, ниспровергающих всякие моральные нормы и переступающих через все заповеди; о, нет, его эмоциональная сторона была однообразна, была скудна, но в этой маниакальной сосредоточенности и опасна; он был профессиональным борцом, он был политическим боксером на арене социальных распрей, и в этом смысле знал «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть»: этой страстью была сама его профессия, сама борьба, само переливание своей воли в формы политических событий. И аморализм его был простым производным из монопольного владычества над ним этой страсти. Его моноидеизм был его слабостью и его силой, его своеобразной красотой — и его уродством.

Говорят, что стиль — это человек. Еще вернее будет сказать, что мысль — это человек. И если Ленин вложил все же нечто «свое» в проповеданную им доктрину классовой борьбы, то это своеобразное толкование диктатуры пролетариата — толкование, всецело носящее на себе печать концентрированного «волюнтаризма» его личности. Социализм — освобождение труда; среди трудящихся пролетариат есть наиболее чистое выражение — крепкий экстрат или вытяжка — трудового начала. Но и среди самого пролетариата есть более и менее «чистые» пролетарские слои. Если необходима диктатура пролетариата над массою трудящихся, то на том же основании в самом пролетариате необходима диктатура авангарда его над остальною пролетарскою массой. Это — экстрат из экстрата, вытяжка из вытяжки: истинно пролетарская партия. Но и внутри партии по тому же закону необходим режим внутренней диктатуры твердокаменных элементов над расплывчатыми. Это восходящая система диктатур, и фактически ее увенчивал — и не мог не увенчивать — диктатор просто, каким Ленин и был. Его теория диктатуры пролетариата была, таким образом, целой системой диктаториальных кругов — подобных кругам Дантова ада — и в целом являлась универсальной теорией диктаториального, *опекунского* социализма. А, значит,— полной противоположностью настоящего социализма — социализма, как системы хозяйственной демократии. Эта излюбленная, интимнейшая,— единственная собственно ленинская — идея была — contradictio in adjecto*. И это внутреннее противоречие не могло не явиться в конце концов источником внутреннего разложения и распада созданной им партии.

Он умер. Его партия, возглавляемая людьми, которых он долго формовал по своему образу и подобию, людьми, которым легко быть его подражателями и столь же трудно — его продолжателями, уже в последнее время повторяла в своей коллективной судьбе его личную судьбу: становилась живым трупом. Ленин больше не сможет гальванизировать его зарядами собственной воли. Он весь израсходовался на нее — без остатка. Она тоже вся внутренне израсходована. На свежей могиле учителя и вождя, умевшего сколотить ее воедино глубоко врезающимися железными обручами, она на момент сплотится теснее, и произнесет обеты верности много говорящему в прошлом и ничего не говорящему в настоящем и будущем завещанию учителя. А затем — погрузится в будни и подпадет опять под власть неумолимых законов размагничивания и распада.

В. ЧЕРНОВ

«Воля России». № 3 1924 года

---

* Внутреннее противоречие *(лат.)*.

---

[1] Вероятно, имеется в виду записка о третейском суде между товарищем N, привлеченным к суду «за ложное заявление с целью дезорганизовать партию», и членами ЦК Глебовым, Любимовым и Красиным. Ленин писал в ней о необходимости своего участия в судебном разбирательстве и выдвигал обвинения против названных членов ЦК. В. М. Чернов ссылается на: Ленин В. И. Собр. соч., изд. 1-е, М., 1923, 1925, т. 5, сс. 513—520. См. также: Ленин В. И. ПСС, т. 9, сс. 117—125.

[2] Шуппе Вильгельм (1836—1913) — немецкий философ-идеалист, представитель имманентной философии (направление, отождествляющее бытие, познаваемую реальность с содержанием сознания и отрицающее существование внешней по отношению к сознанию действительности).

[3] Лаас Эрнест (1837—1885) — немецкий философ и педагог, субъективный идеалист. Разработал систему познания — «коррелятивизм», согласно которой субъект и объект «соотносительны», бытие имманентно сознанию, мир — сумма возможных ощущений.

[4] Мах Эрнест (1838—1916) — австрийский физик и философ-идеалист. Согласно Маху, мир есть «комплекс ощущений», задача науки лишь описывать эти «ощущения».

[5] Авенариус Рихард (1843—1896) — швейцарский философ-идеалист, один из основоположников эмпириокритицизма (от греческого emperia — опыт; «критика опыта»).

[6] Петцольд Йозеф (1862—1929) — немецкий философ-идеалист, представитель эмпириокритицизма.

[7] Торквемада, **Торкемада** Томас (около 1420—1498) — глава инквизиции в Испании, монах-доминиканец, отличался исключительной жестокостью.

БЕЗ ВОЖДЯ

Если бы советская власть была в таком положении, что могла бы думать и заботиться о завтрашнем дне, ей не трудно было бы подготовить общественное мнение к смерти Ленина и сделать это известие совсем незаметным. Судьба благоприятствовала коммунистам. Болезнь Ленина — прогрессивный паралич — такова, что он мог умереть, и весьма быстро, после первого проявления этой болезни два года назад. Случись так, смерть Ленина застала бы коммунистов врасплох и притом как раз в тот момент, когда партия отреклась от коммунистического эксперимента и беззаботно переходила к нэпу. Но судьба, повторяем, оказалась милостивой к советской власти и, превратив Ленина в труп, формально оставила его в живых. Два года было отпущено в распоряжение коммунистов, чтобы приспособиться обходиться без Ленина, чтобы постепенно забыть его и тем самым подготовить безболезненность для партии его ухода. Все это элементарно ясно, и, конечно, советская власть так бы и поступила, если бы ей оставлена была возможность размышлять и заботиться о завтрашнем дне. Только потому, что она этой возможности не имеет, она поступила как раз наоборот. Она не только не старалась приучить к мысли, что Ленин выбыл из строя, что нужно обходиться без него, но, напротив, всячески старалась возбудить надежду, что Ленин поправится и вернется к руководительству партией и властью. Как должны себя чувствовать теперь те иностранные знаменитости, которые не пожалели своей ученой репутации, чтобы составлять бюллетени о здоровье Ленина, которые помогали коммунистам беззастенчиво лгать перед всем миром?

И чем дальше, тем лгать приходилось все более нагло и более нелепо, не останавливаясь перед тем, чтобы показаться просто до шутовства смешным и вызвать всеобщее издевательство над собой. Рекорд в этом отношении достигнут был чуть не накануне самой смерти, когда с неделю назад мы вдруг, глазам не веря, прочитали в советских газетах сообщение о том, что Ленин стреляет ворон и что его с трудом удержали от поездки в Москву для принятия участия в роковой дискуссии. Знали ведь тогда коммунисты, видели, что агония началась, что к похоронам готовиться нужно. Да! Знали и видели, но ведь не было у них другого козыря, которым можно было бы бить запутанные известия о затяжной таинственной болезни Троцкого, столь же предупредительно подписанные иностранными светилами[1]. Пришлось играть краплеными картами.

А теперь приходится за это расплачиваться. Давно известно, что глупому сыну не в помощь богатство. Подарком судьбы коммунисты не сумели или не могли воспользоваться. Они все сделали, чтобы внушить мысль, что без Ленина партия и советская власть существовать не могут. На последней дискуссии Ленин был в устах всех ораторов чуть ли не каждым десятым словом, и это до того осточертело, что один из говоривших наконец не выдержал и заявил, что это демагогический прием...

Болезнь Ленина была такова, что он еще год мог прожить в животном состоянии. Но судьба словно мстила за то, что ее прежняя милость не пошла впрок, и убрала Ленина в самый критический момент, когда после тяжелых хозяйственных неудач оппозиция вырвалась бурно наружу и заменившей Ленина гнусной тройке громко заявлено и брошено в лицо, что она никаким авторитетом не пользуется, что она обманывает партию и всем жертвует для удержания власти в своих грязных руках[2]. Вот почему смерть Ленина, которая после двухлетнего пребывания его в состоянии живого трупа могла пройти совершенно незаметно, превращается в событие огромной исторической важности. Не только потому, что, безжалостно разоблачив беззастенчивую ложь коммунистов, она подтвердила, что только на лжи они и могут держаться. Но наступив в момент величайшей внутренней растерянности и остроте распада, эта смерть наносит коммунистам coup de grâce, ошеломляющий толчок, который отнимает последнюю возможность удержаться на наклонной плоскости. Завтрашний день никаких радостных надежд не внушает, напротив, эта бесславная смерть духовно давно умершего вождя отбрасывает на этот день еще более мрачную тень. Но никакого сомнения быть не может, что она страшно приближает неминуемую развязку.

«Руль», 24 января 1924 года

[1] В это время в центральной и местной печати публиковались бюллетени о состоянии здоровья Л. Д. Троцкого, заболевшего воспалением легких.

[2] Речь идет о дискуссии, развернувшейся в партии в конце 1923 — начале 1924 года. Начало ей положило письмо Л. Д. Троцкого членам ЦК и ЦКК от 8 октября и так называемое «Заявление 46-ти» от 15 октября 1923 года. Появление этих документов было вызвано резким обострением экономического кризиса (что угрожало разрывом «смычки» между рабочими и крестьянами), нараставшей бюрократизацией партийного аппарата, а также заметной активизацией «руководящего ядра ЦК» и прежде всего «тройки» (Зиновьева, Каменева и Сталина), которая стремилась дискредитировать Троцкого и добиться его политической изоляции.

ЛИЦО И ЛЕГЕНДА*

...Ленин и большевизм — разве это не одно и то же? На протяжении истории большевизма был не один момент, когда вся партия воплощалась в Ленине.

Но прошло время, и эта иллюзия... вероятно, и тогда она была иллюзией,— разрушилась. Мы знаем теперь, что созданный благодаря доктринерскому упорству Ленина аппарат власти приобрел независимое от Ленина существование. Правда, можно говорить, что без Ленина он существует только по инерции. Можно предполагать, что если бы Ленин был жив и здоров, то партия обнаружила бы больше гибкости в обращении с неумолимыми фактами жизни. Бездарным «ученикам Ленина» не понадобилось бы брать оппозицию в лоб, потому что Ленин сумел бы обойти ее с тыла с несравненно большим искусством, чем это сделал ЦК в своих последних резолюциях. «Отступление» могло бы пойти дальше, чем идет теперь: ведь существовал же тезис в первоначальном проекте Ленина, что в случае неудачи с коммунистическим переворотом можно отступить — хотя бы вплоть до парламентаризма. Без Ленина нет человека, который был бы в состоянии взять на себя ответственность за такие смелые тактические движения или кто просто обладал бы для этого достаточным авторитетом. Партия, как целое, ослепла, потеряв свой перископ в Ленине. И хотя в ней есть отдельные зрячие люди, но, как целое, она носится теперь по прихоти житейских волн, пока не разобьется о какой-нибудь подводный риф, обойти который не сумеет.

Те, кто надеялся на «эволюцию» партии, должны будут в значительной степени убавить своего оптимизма. Трудно, конечно, сказать, что было бы при Ленине... Но партия без Ленина должна пойти к гибели путем конфликтов, все более глубоких,— и на этот путь она уже стала. Результаты отсутствия Ленина легко рассчитать уже потому, что теперь мы имеем дело лишь с его **физической** смертью: его действительная смерть произошла давно, и хотя имя и взгляды Ленина трепались на всех съездах и конференциях, но вместо символа движения, следующего за запросами жизни, это имя сделалось символом неподвижности. Процессы разложения уже наметились с полной отчетливостью во время болезни Ленина. Теперь, когда исчезла возможность ссылаться хотя бы на отсутствующего, но периодически «выздоравливающего» вождя, эти процессы пойдут ускоренным темпом.

Над самой личностью человека, совершившего над своей страной из убеждения величайшее злодейство, которое когда-либо удавалось совершить профессиональному тирану, суждение истории сложится не сразу. Надо будет начать с отделения лица от легенды, которою успело густо покрыться его имя. Надо будет отделить мысль вождя от исполнения, первоначальную идею от ее преломления в той среде, которую выбрал не он, а события. Ленин — не Петр Великий,

* Заголовки изменены.

а и Петра разложили историки. С Лениным это будет гораздо легче, ибо идея и дело Петра органически сливались в одно целое в жизни, тогда как дело Ленина представляет картину беспомощного борения его идеи с возрастающим сопротивлением жизни. По самому существу той и другой идеи так и должно было выйти, что одна — положила начало новой эпохе в русской истории, другая — вернула эту историю чуть ли не к допетровскому состоянию.

Россия была в развалинах и после того, и после этого гигантского напряжения воли: но та воля была творческая, и те руины похоронили только старину, правда, подчас еще живую. Ленинское разрушение, напротив, коснулось самых источников жизни, и если не успело убить их вполне, то только потому, что Россия оказалась сильнее Ленина.

Без Ленина, лишенное души и воли, неизбежно недоделанное, его дело превращается в какую-то бессмысленную сизифову работу. Прежде одни могли говорить, а другие и думать, что секрет этой гигантской нелепицы непонятен им, зато известен «Ильичу». Теперь, когда пророк унес свой секрет в могилу, верующие поймут, что никакого секрета и не было и что на их доверие ответили величайшим обманом. И если этот человек, при всем своем исключительном влиянии на окружающих, не мог осуществить свою каннибальскую фантасмагорию при жизни, то его уход с особой наглядностью покажет, до какой степени вся эта затея, взявшая у России миллионы жизней и все ее достояние, висела на волоске его личного бренного существования. Пример Ленина социологи будут цитировать, как яркую иллюстрацию роли личности в истории. Но сила этого примера будет не в прочности его дела, а в громадности того зигзага, которым он сумел отклонить исторический процесс от его закономерного хода. Правоверный марксист сможет утешиться тем, что это был все-таки только **зигзаг.**

«Последние новости», 23 января 1924 года

К ПАРТИИ. КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ

21 января окончил свой жизненный путь товарищ Ленин. Умер человек, который основал нашу стальную партию, строил ее из года в год, вел ее под ударами царизма, обучал и закалял ее в бешеной борьбе с предателями рабочего класса, с половинчатыми, колеблющимися, с перебежчиками. Умер человек, под руководством которого несокрушимые ряды большевиков дрались в 1905 году, отступали во время реакции, снова наступали, были в первых рядах борцов против самодержавия, сумели разбить, разоблачить, свергнуть идейное господство меньшевиков и эсеров. Умер человек, под боевым водительством которого наша партия, окутанная пороховым дымом, властной рукой водрузила красное знамя Октября по всей стране, смела сопротивление врагов, утвердила прочно господство трудящихся в бывшей царской России. Умер основатель Коммунистического Интернационала, вождь мирового коммунизма, любовь и гордость мирового пролетариата, знамя угнетенного Востока, глава рабочей диктатуры в России.

Никогда еще после Маркса история великого освободительного движения пролетариата не выдвигала такой гигантской фигуры, как наш покойный вождь, учитель, друг. Все, что есть в пролетариате поистине великого и героического,— бесстрашный ум, железная, несгибаемая, упорная, все преодолевающая воля, священная ненависть, ненависть до смерти к рабству и угнетению, революционная страсть, которая двигает горами, безграничная вера в творческие силы масс, громадный организационный гений,— все это нашло свое великолепное воплощение в Ленине, имя которого стало символом нового мира от запада до востока, от юга до севера.

Ленин умел, как никто, видеть и великое и малое, предсказывать громаднейшие исторические переломы и в то же время учесть и использовать каждую маленькую деталь; он умел, когда нужно, бешено наступать, и когда нужно, отступать, чтобы готовить новое наступление. Он не знал никаких застывших формул; никаких шор не было на его мудрых, всевидящих глазах. Ибо он был прирожденный вождь пролетарской армии, гений рабочего класса.

В сокровищницу марксизма товарищ Ленин внес немало драгоценного. Именно ему рабочий класс обязан разработкой учения о пролетарской диктатуре, о союзе рабочих и крестьян, о всем значении для борющегося пролетариата национального и колониального вопросов и, наконец, его учением о роли и природе партии. И все это богатство было в руках Ленина не мертвым капиталом, а живой, несравненной практикой. «Революцию гораздо приятнее делать, чем писать о ней»,— не раз говаривал Владимир Ильич. И всю свою жизнь, от ее сознательного начала до последнего мученического вздоха, товарищ Ленин отдал до конца рабочему классу. Не было и нет человека, который так глубоко был бы предан своему делу, как Ленин, не знавший в своей прекрасной жизни ничего, кроме интересов партии, пролетариата, коммунистической революции. Не было и нет человека, который имел бы такое глубочайшее чувство своей ответственности, как он. Нечеловеческая, неудержимая жажда работы, неустанная мысль, беспощадная растрата своей энергии сломили этот богатырский организм и погасили навсегда жизнь любимейшего из любимых — нашего Ильича.

Но его физическая смерть не есть смерть его дела. Ленин живет в душе каждого члена нашей партии. Каждый член нашей партии есть частичка Ленина. Вся наша коммунистическая семья есть коллективное воплощение Ленина.

Ленин живет в сердце каждого честного рабочего.

Ленин живет в сердце каждого крестьянина-бедняка.

Ленин живет среди миллионов колониальных рабов.

Ленин живет в ненависти к ленинизму, коммунизму, большевизму в стане наших врагов.

Теперь, когда нашу партию постиг самый тяжелый удар — смерть Ильича,— мы должны с особой настойчивостью выполнить его основные заветы.

Никогда Ленин не был так велик, как в минуты опасности. Твердой рукой он проводил партию через строй этих опасностей, с несравненным хладнокровием и мужеством идя к своей цели. Ничего противнее, отвратительнее, гаже паникерства, смятения, смущения, колебания для Ленина не было.

Партия и здесь пойдет по его стопам. Он ушел от нас навеки, наш несравненный боевой товарищ, а мы пойдем бесстрашно дальше. Пусть злобствуют наши враги по поводу нашей потери. Несчастные и жалкие! Они не знают, что такое наша партия! Они надеются, что партия развалится. А партия пойдет железным шагом вперед. Потому, что она — Ленинская партия. Потому, что она воспитана, закалена в боях. Потому, что у нее есть в руках то завещание, которое оставил ей товарищ Ленин.

Против мирового союза помещиков и капиталистов мы будем строить наш союз рабочих и крестьян, союз угнетенных наций.

Мы твердой ногой стоим на земле. В европейской развалине мы являемся единственной страной, которая под властью рабочих возрождается и смело смотрит в свое будущее. Вокруг нашего славного знамени собираются миллионы. Смерть нашего учителя — этот тяжелый удар — сплотит еще сильнее наши ряды. Дружной боевой цепью мы идем в поход против капитала, и никакие силы в мире не помешают нашей окончательной победе.

Эта победа будет самым лучшим памятником товарищу Ленину, тому, которого, как лучшего друга, массы звали своим «Ильичем».

Да здравствует, да живет и побеждает наша партия!

Да здравствует рабочий класс!

Центральный Комитет РКП

Москва, 22 января 1924 года

Публикация, предисловие и примечания Сергея ВАКУНОВА